

Блюз о любимом городе

I

Пушкин тихо по-зрительски
В парк с колонны глядит –
Бессарабский и питерский
Прорицатель-пиит.
Вот кому дела нет,
Что внутри, что вовне.
И тут ведь дело даже не в Пушкине, нет,
Дело скорей во мне.

II

Львы во сне пострадали,
Львам не встать в полный рост,
Не гром баталий, а детский сандалий
Стер хребты им и мраморный нос.
Не разбудит их гром
Африканских корней,
И тут ведь дело даже не в мраморе львов,
Дело опять во мне.

III

Не понять нашу нацию,
Верным курсом идя.
Вот попал в эмиграцию
Из дома не выходя.
Где ж ты, Родина-мать?
Груды мертвых камней...
И тут ведь дело даже не в Родине,
Нет, дело опять во мне.

IV

Мы жидаы, мы татары.
Взвейся крест над толпой,
Лишь бы Штефан чел Маре
Меч не вытаскивал свой.
Хорошо в США. Хорошо, где нас нет.
И тут ведь дело даже не в Штефане,
А дело опять во мне.
Черно-белым кино город вижу во сне.
И тут ведь дело даже не в городе,
Но – в городе и во мне.

Свято-Георгиевская Церковь (построена
в начале XIX века). 1975

Виктор СУНДЕЕВ

* * *

Желтоглазый сентябрь бродит по Кишинёву...
Он идёт, не спеша, мягко солнцем облит.
Он опять потерял золотую подкову,
Потому и деревья, грустя, золотит.
Ах, должна была дать счастье эта подкова!
Но не помнит сентябрь, где оставил её...
Золотое вино льёт взамен бестолково,
Предлагая весёлое нам забытьё.
Так забудем давай пролетевшее лето
И начнём дожидаться спокойно снегов.
Мы с тобою вдвоём. Хорошо уже это.
Нам гитара и скрипка поют про любовь.
А хмельной Кишинёв ловит томное солнце,
Запасая его на холодные дни,
А седой Кишинёв, как ребёнок, смеётся,
Будто синяя птица кружится над ним!

* * *

Как ни странно, но в нашем городе
Сохранились дикие голуби,
Те, что крошек с рук не клюют,
Что летают без расписания,
Не готовят маршрут заранее
И, когда захотят, поют!

А в бетонно-стеклянном городе
Все спешат, чтоб не ведать голода
Да урвать кусок пожирней...
Для чего тут дикие голуби?
Угадать, господа, попробуйте,
Хоть у вас дела поважней.

Не резон при рынонаклонности
Поощрять паренья и вольности
Этих двинутых голубей!
Не поймут: за избыток гордости
Не насыплют зерна ни горсточки,
Из «мелкашки» пальнут скорей.

Гнезда вьют свои, где ни попадя,
И еду добывают походя,
А понятия о стае нет.
И одна лишь любовь у голубя,
И одна лишь семья у голубя, –
Просто дикий менталитет!

Улицы старого города. 1975

Жизнь гремит вокруг многоликая,
Не касаясь голубя дикого,
Без него бурлит круговерть.
Он летает без расписания,
Не прикидывает заранее,
Что, когда и кому запеть.

Я страдаю завистью дикою,
Когда вижу голубя дикого...

* * *

Я живу сегодня в Сан-Франциско,
Город – сказка, город-талисман.
До Молдовы путь совсем неблизкий –
Самолетом через океан.

У меня приятные заботы,
Как с друзьями провести уик-энд.
Но порой накатывает что-то,
И веселье сводится на нет.

Кишинёв, который я оставил
Вдруг всплывает ярко, горячо:
Старый двор и песенка простая
Мамино душистое плечо.

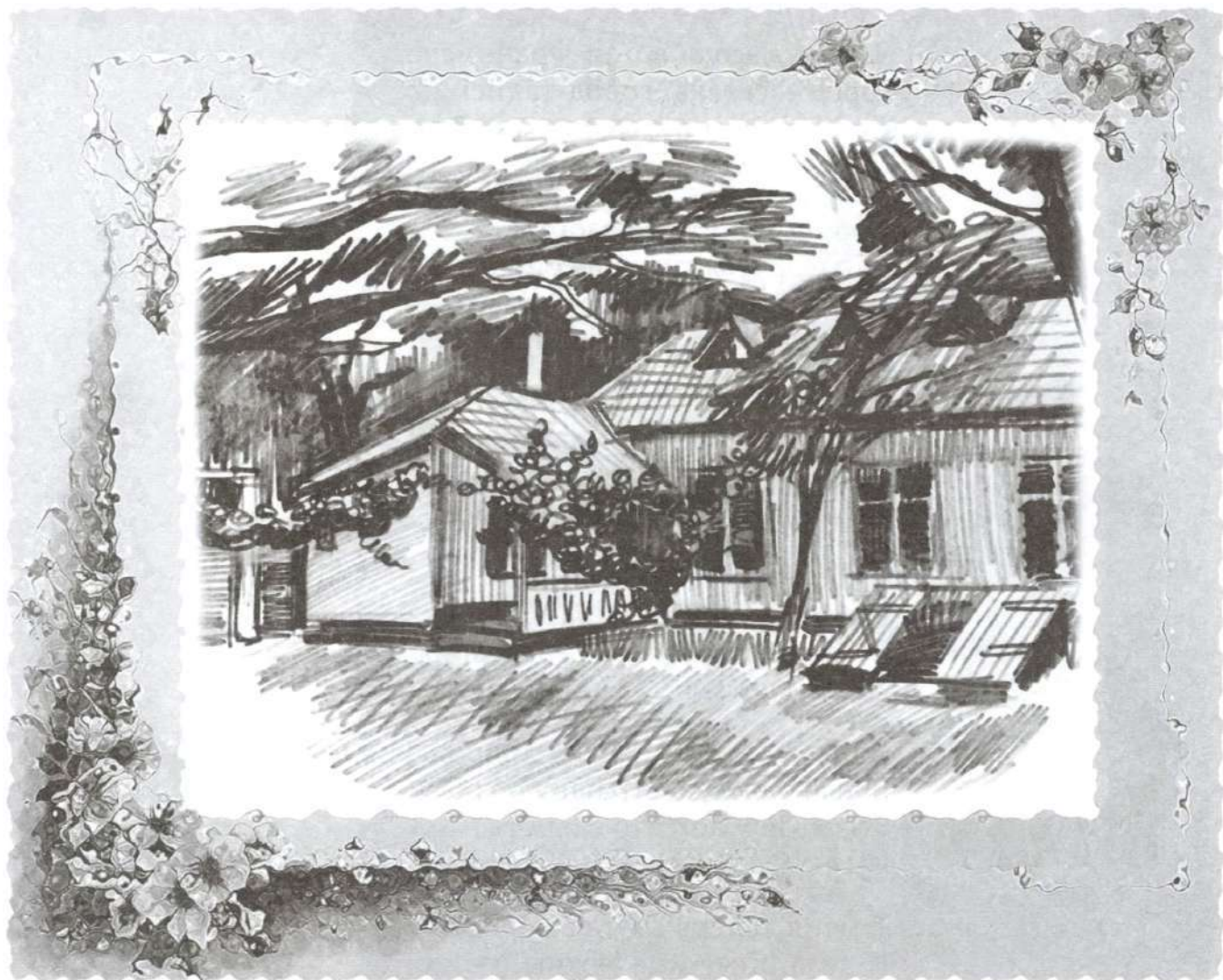
И кипенье белое черешен,
И игра осеннего вина –
Я бегу с девчонкою безгрешно
По земле, что Богом мне дана.

Город мой! Мы наспех попрощались
В дьявольскую страшную грозу,
Вызывая у кого-то зависть
И скрывая жгучую слезу.

У меня теперь другая ниша,
И дела иные мне важны.
Кишинёв! Зачем опять ты снишься
Человеку из другой страны?

Старый двор, оставь меня, не мучай
Песня детства, перестань терзать.
Я хочу быть сильным и везучим,
И бывшее больше не листать.

Я живу сегодня в Сан-Франциско,
Город – сказка, город-талисман.
До Молдовы путь совсем неблизкий –
Самолетом через океан.

Дом-музей А. С. Пушкина. 2017

Пора дождей

Я запрокинул голову –
и капли
тотчас же заплясали по лицу,
а там, вверху,
еще страшной заплакали,
с Рышкановкой прощаясь на лету.

В Кишинёве

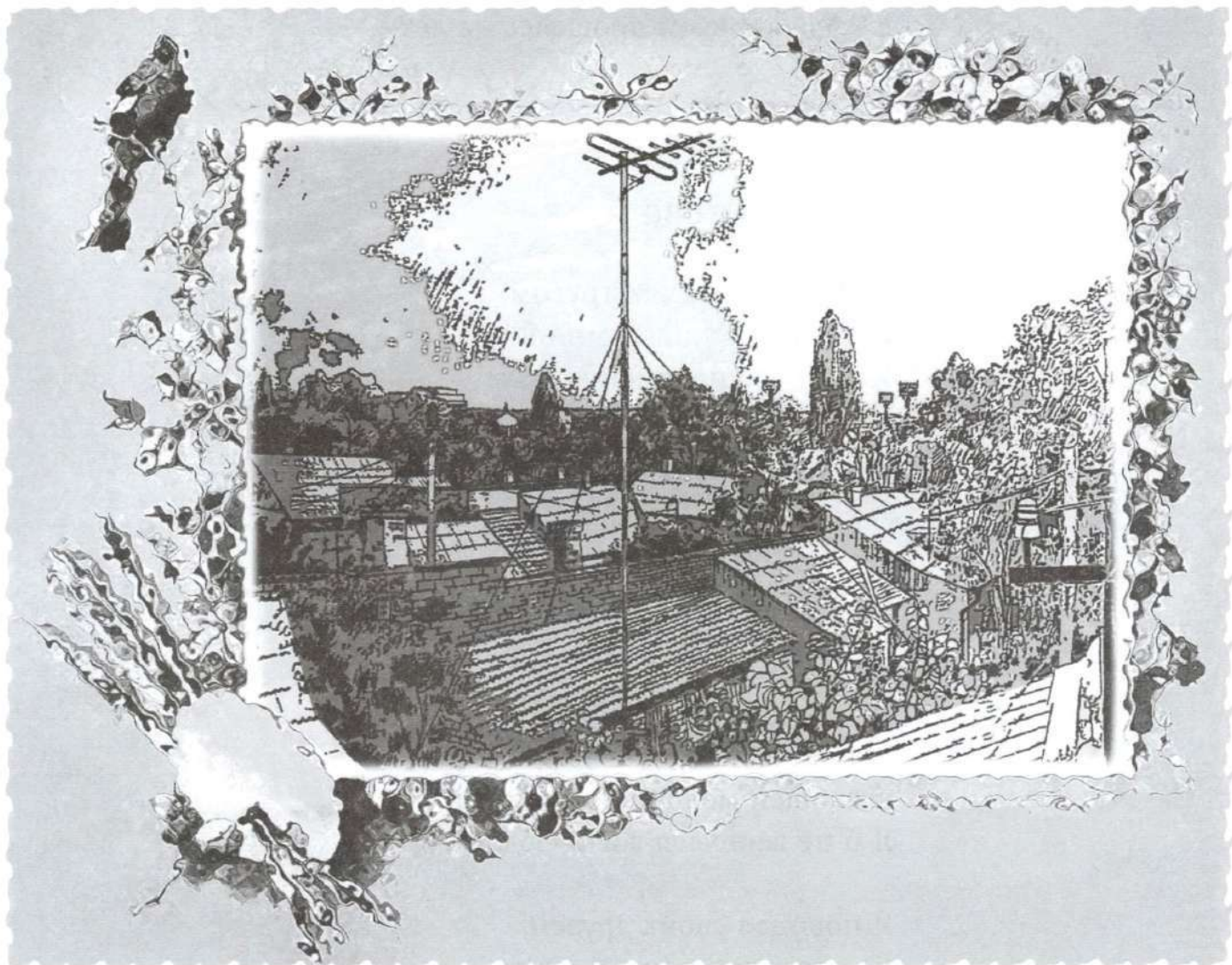
Я город узнавал с трудом;
иное в нем увижу, мнилось...
Как много перемен кругом!
Лишь осень не переменялась.

И смог я золотой листвою
полюбоваться, как бывало, –
на фоне роста и развала
и суетливости людской.

Чужая для меня среда
крикливых вывесок, лотков ли,
всеобщей мелочной торговли...
Я б не вернулся жить сюда.

Я повидал своих друзей.
Как хорошо: они все те же,
хоть жизнь и тяжелей, и злей.
И я себя надеждой тешу,

что новые поездки к ним
судьба отпустит мне по смете,
что буду я
до самой смерти
теплом друзей моих храним.

Крыши старого города. 1975

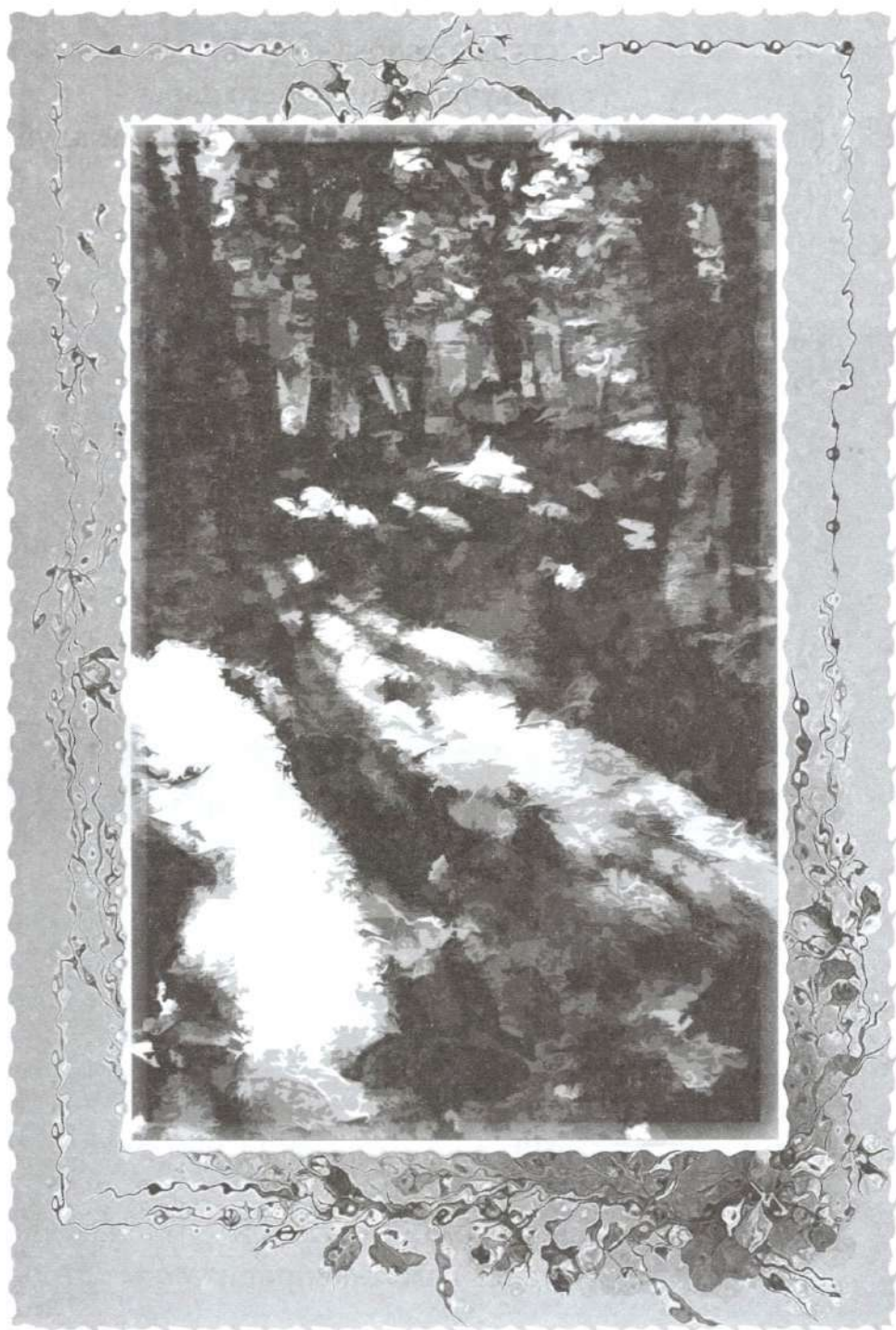
Тихие дворы

Я снова вижу
старые дворы –
живучего минувшего дары –
где вьется дым над крышами клубами,
ползут по стенам
хмель и виноград,
и кошки настороженно следят
за голубями...

Невозмутима эта тишина,
с цветами городских обочин схожа:
гонимая, травимая – а все же
еще жива,
еще цветет она.

И утверждает это,
в свой черед,
любой забор,
сарай и огород,
и дом, от чердака и до подвала:
минувшее – оно еще живет,
оно еще ничуть не миновало.

Оно – вокруг, во всем, оно – со мной,
и внятен дух
ушедших поколений,
когда иду булыжной мостовой
вдоль тех дворов,
пропахших тишиной,
вдоль памятью пропитанных строений.

Перекресток ул. А. Пушкина и ул. А. Щусева (2014)

Осень в городском дворе

Двор листвой завалило,
чтоб не знался с тоской,
занесло тополиной
многоликой листвой.

Привлекающий кошек
и собак, и пичуг,
дух листков нежнокожих
животворно-упруг.

Весь шурша и сверкая,
двор – в сугробах цветных,
и мальчишечья стая
кувыркается в них...

* * *

Свет осеннего вечера странен:
в нем покой и тревога слились.
Это мгла наползает с окраин
иль завешена тучами высь?

И, наверно, пойму я едва ли,
отчего так волнуют меня
лист летящий,
размытые дали,
слабый шум отошедшего дня.

В этот час
все печально на свете,
но и радости тихой полно.
...Фонари на Московском проспекте
ткнут из зыбких лучей полотно.

Почему для души моей с детства
притягательна эта пора,
и волшебное чудится действие
там, где тени и света игра?

И не верю, что в будничных фразах
и делах
этот вечер пройдет –
будет вечер элегий и сказок
и возвышенных дум, и забот...

Парк им. А.С. Пушкина. 1975

Плеяда

Кишинёвским друзьям-поэтам

Нет, слов напыщенных не надо,
но и таить не стоит все же,
что здесь, «в глуши»,
взошла плеяда
поэтов милостию Божьей.

Их не тянуло быть при званьи,
считали чин они за малость,
но так мечталось,
чтоб призванье
с признанием состыковалось...

Увы...
Одних на свете нету –
ни строчки больше не напишут,
а те – разъехались по свету
и пишут,
только кто их слышит?

И для души одна отрада:
воспоминание благое,
что все-таки
была плеяда,
хоть время было и плохое...

Церковь Святого Мученика Харлампия
(открыта в 1836). 2007

Кишинёв

Старый город. Узкие улочки.
Голые стволы серебристых платанов.
Звонкие студентки в коротких юбочках
струятся, торопятся, неустанно
болтают с кем-то по телефонам,
не замечая спокойной древности,
глядящей из окна соседнего дома.
Девчонкам в прошлое совсем не верится!
Вот: серые ступени, крыльцо высокое,
каменный лев с пастью открытой...
Как получилось, что дорога громкая
течёт параллельно дням забытым?
Дням, когда здесь Пушкин хаживал:
цилиндр, трость, на лице улыбка.
Вглядываясь в зрачки дня нашего,
по тротуару тенью зыбкой,
чуть прикасаясь к этим деревьям,
впитывая воздух Кишинёва,
он шагает сейчас.
...А следом апрели
сметают надоевшие основы
привычной жизни. Врывается Завтра
странное, непомнящее манеры.
И отражаются в оконных кадрах
иные девочки и интерьеры.

Вокзал. 1979

Встреча

Как бы сдружились,
удайся им встретиться
где-нибудь здесь:
в домике Инзова,
селе Долна
или просто у знакомых в Кишинёве.
Этот вечер был бы самым
незабываемым
с первой минуты:
тысячи превосходнейших шуток,
острот, пародий, эпиграмм
рассыпал бы каждый из них.
Да к тому же
две великие любви
к красавицам этого вечера
родились бы одновременно.
А когда стали бы разъезжаться гости,
они долго глядели бы вслед,
желая каждому долгих лет и спокойного сна.
Затем, обнявшись, как добрые друзья,
подняли бы голову к Лучафэрулу
и начали бы читать вечерней звезде
свои стихи:
сначала – Пушкин, потом – Эминеску,
вновь – Эминеску, и опять – Пушкин...
Но эта встреча состоялась лишь сегодня.
Всю ночь молдавский друг
читал мне своего Эминеску,
а я ему – своего Пушкина.

Парк Победы. 1975

Возвращение в Кишинёв

И в минуты короткой разлуки
По тебе неизменна тоска.
Оживают знакомые звуки:
Южный город
Шумит у виска.
В тихий дождь –
По хорошей примете –
Я вернусь, чтобы завтра одной
По дорогам изученным этим
Проходить незнакомкой родной,

Чтобы заново длить узнаванье,
Помяная опять, что дана
Нам Отчизна,
Как дом и призванье,
Без которых душа холодна.

Открывая иные столицы,
Примеряют их к улице, где
Старый тополь
К воротам теснится,
В дождевой отражаясь воде.

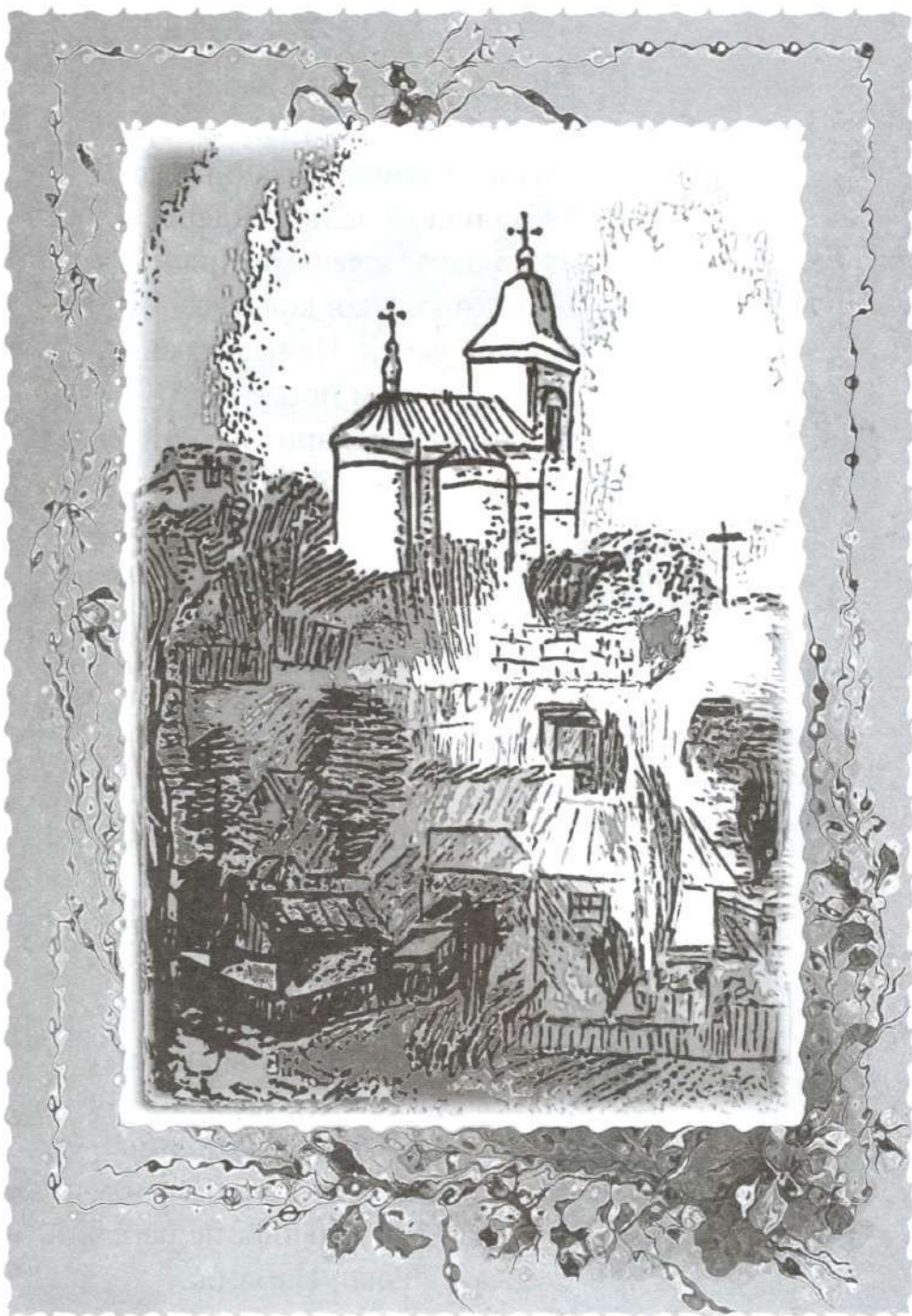

Зима. Рышкановский парк. 2001

Приезд

Вот кишинёвский карантин:
Шлагбаум по случаю холеры.
Разбег холмов, кизячный дым.
Остались позади Бендеры,
Остался за плечами Крым.
Лети, опальная коляска.
Еще не вечер. Не развязка.
Потом, потом поговорим.
А вдруг еще одарит лаской
Сей отдаленный край молдавский,
Куда сослал Назона – Рим?
Там Кишинёв. За тем холмом
Таится молча, как загадка.
Скажи, Бендерская рогатка,
Далече ли заезжий дом?..
В его ушах – глагол времен,
Кагула гул, античный стон...
Весь этот новый край державы
Таким впервой увидел он,
Каким его воспел Державин,
Каким оплакивал Назон.
Он строки их шептал себе
И словно бы читал заранее
Путеводитель по судьбе
И некий гороскоп изгнания.
Предел сей будет сердцу мил,
Бурлящий, гордый, а не рабский.
Буджак, Леово, Измаил,
Следы боренья высших сил
Еще увидит «бес арапский».
Поспешность прочь. Настанет миг –
По-своему он явит миру
Калипсо, Узника, Земфиру,
Страницы новых дивных книг.
Извилист путь среди холмов.
Россия, Питер – дальней далью.
Осенний вечер Кишинёв
Уже окутал черной шалью.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы
(Мазаракиевская, построена в 1757). 1973

Новый фонтан

Поет летящая вода
Искристо, бодро, неустанно.
Сегодня мы пришли сюда
На день открытия фонтана.

Живой водой из давних снов
На нас весною веет снова.
Пятисотлетний Кишинёв,
Прими ещё одну обнову.

Я знаю, не один твой сын
Дерзал, ночей не спал, работал,
Чтоб взмыли из земных глубин
Тугие струи водомёта.

Клубятся брызги, как туман,
И опадают постепенно.
О чём же ты поёшь, фонтан,
Своим журчаньем вдохновенным?

Мой белый город, город – сад,
Твои мосты, деревья, зданья
Познали гроз военных ад,
Землетрясения, испытанья.

Теперь весенняя пора
Расцветивает тротуары,
Бежит к фонтану детвора,
Идут к нему влюблённых пары.

Мой город, щедрая судьба
Тебя одаривает снова.
Родник из твоего герба
В родстве с фонтаном этим новым.

Обрезка деревьев. Бульвар Дачия. 2015

Крестовоздвиженье

Недолговечная вычурность пластиковой
архитектуры в романском стиле
делит бульвар
крест-накрест
на то, что было до
и другие ноты.
Дерево
сросшимися стволами
похоже на длинные раскинутые
женские ноги,
упирающиеся в небо шелестом.
Три кошки –
серая, черная и рыжая –
сквозь плотно сомкнутые веки
видят один общий сон
в сепии
теплых разреженных
лучей уходящего лета.
Рассыпанные листья,
распадающиеся листы
календаря,
поливальная машина
и сборщики мусора
на краю тротуара.
«У меня не было
ни одного романа со студенткой» –
затягивается новой
университетский профессор.
Сожаления в надежде
начало семестра.
Я покупаю букет
желто-белых альстромерий
и настырная бабочка
садится опадает садится опадает садится
на краешек моих солнечных очков.
Я пишу тебе, как
тронутый охрой кленовый лист
перелистывается воздухом
ровно трижды,
прежде чем с замирающим
вздохом
коснуться осени...
...и каждый из нас
продолжает движение
только к своей Голгофе
/В День Воздвиженья Креста, Кишинёв, твоя_я/

Спуск к Комсомольскому озеру.
Ул. Университетская. 1988

Кишинёв

Проклятье вороны – и бабочки дрожь...

Я помню мой город кипящим, живущим
И зрелищем ярким, и хлебом насущным,
Где в травы сквозисто влюбляется дождь
И ветер ерошит зеленые кущи;

Где солнце горячее южную лень
Вплетает меж веток роскошного сада;
Как яблоко, там наливается день,
А дымчатый вечер синей винограда.

В разлуке за годом торопится год,
И плачутся весны в капелях апрелей,
И теплая пыль на дорогах растет,
И песни восходят на стеблях свирелей.

Я здесь красоты постигала азы,
И буки надежды, и веди печали...
Держите, мосластые руки лозы
Всех тех, что стремятся в туманные дали!

Комсомольское озеро. ЦПКиО. 1978

